

по следам громких дел

Татьяна Степанова — подполковник полиции, потомственный следователь с престижным юридическим образованием, поэтому в ее книгах следствие ведут профессионалы.

Из-под пера автора вышло 50 романов, проданных суммарным тиражом более 8 миллионов экземпляров.

Права на издание детективов Татьяны Степановой проданы в Германию и Польшу.

По книгам «Готическая коллекция» и «Темный инстинкт» сняты телевизионные фильмы.

Главную роль в последнем исполнила Любовь Казарновская. Романы писательницы позволяют читателю побывать в литературной «комнате страха».

Таинственные убийства, почти осязаемая атмосфера преступления, томительное и тревожное ожидание чего-то неведомого, пугающего...

Читайте классические детективы Татьяны Степановой,
написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель
Звезда на одну роль
Венчание со страхом
Прощание с кошмаром
Темный инстинкт
Все оттенки черного
Зеркало для невидимки
Врата ночи
На randevу с тенью
Улыбка химеры
Готическая коллекция
Ключ от миража
29 отравленных принцев
Флердоранж – аромат траура
Молчание сфинкса
Родео для прекрасных дам
Дамоклов меч над звездным тронem
Рейтинг темного божества
Прощай, Византия!
Сон над бездной
Царство Флоры
Предсказание – End
Драконы ночи
Black & Red
Пир на закате солнца
Три богини судьбы
ДНК неземной любви
Душа-потемки
Тот, кто придет за тобой
Демоны без ангелов
Валькирия в черном
Когда боги закрывают глаза
Девять воплощений кошки
Яд-шоколад
Невеста вечности
Колесница времени
Падший ангел за левым плечом
Призрак Безымянного переулкa
Пейзаж с чудовищем
Грехи и мифы Патриарших прудов
Созвездие Хаоса
Часы, идущие назад
Светлый путь в никуда
Умру вместе с тобой
Циклоп и нимфа
Последняя истина, последняя страсть
Перекресток трех дорог
Имеющий уши, да услышит
Великая иллюзия
Коридор затмений
Мойры сплели свои нити
Корень зла среди трав
Храм Темного предка
Четыре крыла

ЧЕТЫРЕ
КРЫЛА

ТАТЬЯНА
СТЕПАНОВА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Е. Петровой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 Четыре крыла / Татьяна Степанова. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (По следам громких дел. Детективы Т. Степановой).

ISBN 978-5-04-211479-3

Четыре крыла... Белое-черное, черное-белое...

Пропавшие без вести. Их было двое — простой двадцатилетний паренек Руслан Карасев по прозвищу Хвост и красавец, любимец женщин и рекламная модель Игорь Виноградов по прозвищу Адонис. Их исчезновение неожиданно для самих себя берутся расследовать Клавдий Мамонтов и Макар Псалтырников. В этом деле многое нелогично — например, личности пропавших. Казалось бы, сложно представить двух более разных людей. Но их объединяет одно связующее звено — у каждого в прошлом было неприятное обстоятельство, тайна, которую они всеми силами пытались скрыть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211479-3

© Степанова Т.Ю., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

ЯМА И ОСИНА

Под корнями высокого дерева талые весенние воды за долгие годы вымыли глубокую яму. Вода сошла, оставив на дне небольшие лужицы, засыпанные зеленой молодой листвой и хвоей.

Яма под корнями выглядела удобной глубокой могилой.

И не надо копать землю припасенной лопатой.

Или нет?

Поместится ли труп?

Человек внимательно изучал яму под корнями. Закатное солнце гасло за горизонтом, освещая багровым светом верхушки деревьев. Вечерние тени множились, соединяясь, сплетаясь с ветвями, корнями, стволами, маскируя реальность, наполняя ее сумраком и тьмой, изгоняя последние солнечные лучи, подобно острым огненным спицам пронзавшие кроны. Лучи мягко скользили, почти струились по фигуре незнакомца, словно не желая причинить неудобство. Мешковатая, нарочито неброская туристическая одежда скрывала и возраст человека, и его пол. Лесной сумрак на все накидывал свой покров, поглощал, прятал...

У ног незнакомца на краю ямы на брезенте лежало тело. На этом куске брезента труп и дотащили до ямы. Человек только что отрубил мертвецу кисти обеих рук туристским топориком. Это потребовало усилий. Но человек не спешил

вытирать лезвие топора о траву и листья. Инструмент еще понадобится.

Отрубленные кисти лежали в полиэтиленовом пакете. Обычный белый пакет с красным логотипом дешевого продуктового магазина, измазанный грязью. Мелкие осколки раздробленных костей... Черная запекающаяся кровь.

Человек наклонился, положил туристский топорик на землю и начал деловито завязывать ручки пакета, пакуя страшное содержимое.

Руки предстоит спрятать отдельно...

Распрямившись, он вновь придирчиво оглядел труп в окровавленной одежде, с обрубками рук, лежащий на краю ямы. С телом вроде присутствует некий нюанс... Но от волнения и тревоги он не мог вспомнить детали. Или же память его подводит? Или он допускает сейчас непоправимую ошибку? Что-то не так с трупом, но он не в состоянии сосредоточиться, мысли ускользают... В самом теле имеется некий подвох или изъян... Кажется, да... Или нет? Или он перепутал? Но если сейчас начать осматривать, шарить в одежде, останется его ДНК... Сколь долго она может сохраниться? Особые приметы... Если он отрубил кисти мертвецу и сейчас собирается топором отсечь ему голову, то... все зря? Тело все равно в будущем смогут опознать?!

Но труп никогда не найдут в яме под корнями...

Человек поднял топор с земли. С особой приметой он мог ошибиться. Наверняка никакой приметы и не существовало.

Незнакомец глянул прямо в лицо мертвеца. Это я тебя убил. И ты сгниешь здесь в яме. И никогда не явишься ко мне ночью во сне, воя о мести и расплате. Ты — ничто. Прах. Тлен. Я похороню безголовый безрукий обрубок под корнями в рывтине. Голову и кисти спрячу отдельно. И поставлю точку *во всей истории, в которую угодили и ты, и я...*

Сильно размахнувшись, он ударил топором — метил в шею, но рука дрогнула, и лезвие наискось разрубило лицо, хрустнула раздробленная челюсть.

Изуродованный покойник словно в последней прощальной ухмылке ощерил зубы в хищном оскале. Усмешка не предвещала ничего хорошего.

Человек сдавленно-испуганно вскрикнул, не сдержав эмоции, и начал в слепой ярости остервенело рубить труп.

И вот голова мертвеца покатилась по земле, едва не упав в яму. Человек остановил ее ногой, словно футбольный мяч.

Закатное солнце погасло. Сумерки воцарились — пепельные, прохладные. Ветер прошелестел по подмосковному лесу, играя молодой листвой. Птицы умолкли, угомонились.

И лишь на старой кривой осине в чаще птицы пищали, тревожно перекликались в ветвях. Их что-то беспокоило. Взмах крыльев — и они стайкой взмыли в вечернее небо с осины, ища себе другого ночлега.

На суку осины — труп повешенного.

Вечерний ветер, усиливающийся с каждым порывом, колыхал ветки, и труп медленно вращался в петле. Кружил, парил над землей. Листья осины неистово трепетали, даже когда порыв вечернего ветра утих и вновь воцарился мир и покой.

Обманчивый покой.

Мертвая зыбь.

Старая кривая осина пользовалась в лесу дурной славой. Она пережила великие пожары семьдесят второго года и, подобно вампиру, высосала все соки покрытой пеплом земли и жизненные силы обугленного леса, возродившись заново, устремив свои корявые ветви, пронзившие небо, в будущее. Труп в петле старая осина тоже заботливо приняла в свои вампирские объятия, обещав... кому? Бог весть... лелеять и оберегать его, пока все не обратится в прах...

Под корнями осины талые весенние воды вымыли рытвину. Пара могучих толстых корней обнажилась, образуя нечто вроде ступени возле растрескавшегося, покрытого мхом ствола.

На краю рытвины валялась замызганная кроссовка, спавшая с ноги мертвеца.

РОЗА. ТА, КОТОРУЮ НЕ ЗАМЕЧАЮТ

— Сын пропал. Убили его. Без вести пропал сыночек мой ненаглядный. Руслан мой... Кровиночка моя... Сгубили его злые люди! И не знаю я даже, где могилка его. А может, и нет никакой могилы. Тело его собаки бродячие гложут... Кости его неупокоенные, не похороненные мной...

Женщина рыдала горько, безутешно. И сердце Клавдия Мамонтова заныло. Женщина размазывала по залитому слезами лицу остатки туши и желтую дешевую пудру, трясущимися руками доставала из старой сумки коробку с лекарствами, сыпала таблетки на ладонь, но ее натруженные распухшие руки ходили ходуном, и таблетки падали на пол.

Клавдию Мамонтову казалось — белые колесики таблеток шлепались на ковровое покрытие с почти железным стуком. Или то кровь билась у него в висках?

Макар Псалтырников быстро наклонился и начал собирать таблетки.

— Спасибо, спасибо вам, я и с пола их заглочу, — шептала лихорадочно женщина, давясь слезами. — Они ужас дорогие. Мне врач прописал. Полторы тыщи стоят... одна коробочка. У меня давление скачет и диабет... Ох, простите меня! — Женщина порывалась встать с дивана. — Нам нельзя, персоналу... Администратор увидит, что сижу на их мебели, станет орать.

— Тихо, успокойтесь, вам надо отдохнуть. — Макар опустился рядом с женщиной на диван и протянул ей на ладони таблетки. — Администратора не бойтесь. Я все улажу. Да он и сам поймет ситуацию. Здесь камеры внизу, в холле, да?

Женщина затравленно кивнула и поежилась, озираясь по сторонам.

— А наверху, в спальнях? — спросил Клавдий Мамонтов.

— Наверху вроде нет. Точно я не знаю, — женщина затрясла головой. — Но в холле есть и в кухне. На пульте охраны

видели, как я грохнулась здесь у вас. Вот дура... Простите меня.

— Не за что вам извиняться, — успокоил ее Макар.

Сюда — на диван в холл виллы Парк-отеля он принес ее на руках с кухни, когда она потеряла сознание и упала.

Они оба слышали стук падения. Ее крик — она ударилась об пол всем телом плашмя. И подбородком. На нем уже наливался чернотой огромный синяк. Удар подбородком — болевой шок. Даже проваливаясь в обморок, она кричала от боли.

Уборщица в загородном отеле. Тихий и безмолвный призрак в синей робе со шваброй и ведром. Та, кого постояльцы обычно не замечают. А если и видят, сразу забывают.

— Я коттедж перепутала, — всхлипнула она, глядя на кулак с зажатыми в нем таблетками. — Простите. Меня на ресепшен в третий послали туалеты мыть и душевую с сауной, а я перепутала. Пришла в ваш пятый. А вы еще не съехали. Мы не убираем номера и коттеджи при постояльцах. Не беспокоим. А я вломилась, да еще шмякнулась на кухне. В глазах у меня вдруг потемнело. Такая тяжесть на сердце... Сегодня ведь...

— Что? — тихо спросил ее Клавдий Мамонтов.

— Сегодня его день рождения. — Уборщица подняла на него мутные карие глаза, опухшие от слез. — Сыночка моего единственного, Руслана. Я все ждала. Думала — вдруг он в свой день рождения объявится, если жив. Не может он мне — матери — в свой день рождения не позвонить, не подать весточку, если живой и просто уехал... оставил меня... скрылся... Но нет от него ничего. Знак — мне, выходит, свыше. Нет его в живых. Убили его...

— Как ваше имя-отчество? — спросил Макар уборщицу.

— Роза Равильевна.

— Меня зовут Макар. А это мой друг Клавдий.

— Мамонтов, — представился Клавдий уборщице. — Я сейчас работаю телохранителем семьи Макара, а прежде служил в полиции.

Уборщица Роза недоуменно воззрилась на него. Клавдий Мамонтов и сам не мог понять — зачем он говорит ей о себе? Изможденная работой женщина возрастом далеко за пятьдесят. Располневшая, слегка неуклюжая, с крашеными волосами, собранными в короткий хвостик, с распухшими ногами, втиснутыми в резиновые «клоги».

— Роза Равильевна, вы ели сегодня что-нибудь? — спросил Макар.

— Да... то есть нет, не успела, — уборщица Роза, словно испугавшись, втянула голову в плечи. — Я в шесть встаю, у меня здесь смена в восемь начинается. Я всю неделю пашу сейчас без выходных. У нас треть уборщиков ушла, когда мигрантов начали проверять, они к себе домой дернули вместе с женами. Мои сменщицы-таджички уволились. Мне выходные отменили. Обещали заплатить. Только у нас за опоздание на работу деньги сразу вычитают. И много. С деньгами туго у меня. Холодильник совсем пустой дома...

— У вас диабет, вам надо питаться регулярно. Тихонечко вставайте, я вам помогу. — Макар поднялся и предложил уборщице руку — галантно, словно аристократке. — И пойдемте.

— Я уйду, уйду, я вам больше мешать не стану. — Роза тяжело оперлась одной рукой о диван, стараясь выбраться из его мягких подушек. — Извините за беспокойство...

— Мы с вами сейчас заглянем на кухню, нам завтрак до вас официант привез, — словно ребенку пояснил уборщице Макар. — Вам надо поесть, набраться сил.

Клавдий смотрел на своего друга.

Уборщица Роза... Она сразила их обоих наповал своей беззащитностью? У Макара такое лицо сейчас... Ему словно неловко... А чего ему стыдиться? Почему и он, Клавдий, чувствует себя не в своей тарелке? Перед ней? Безутешной матерью пропавшего сына... Бедной до нищеты... Готовой с пола подбирать и пить дорогие таблетки, ибо она не может потратить деньги на новые. Ему совестно — они насвинячили на съемной вилле, а она явилась убирать за ними. Но это же ее заработок. Каждому свое.

Или нет?

Есть нечто еще. Главное. Скрытое от посторонних глаз глубоко внутри и у него, и у Макара. Оно заставляет их терпеливо возиться с ней. Утешать ее. Пытаться ее сейчас накормить.

Пытаться *защитить* ее. От чего?

Помочь ей в ее горе.

Словами не объяснить. Душевный порыв их общий с Макаром? Обоюдное врожденное благородство? Полегче с пафосом... Скорее просто блажь. Похмельная дурь после бурной ночи с девицами — пьяной, шумной гулянки на вилле загородного Парк-отеля, куда Макар-искуситель затащил его — встряхнуться и оттянуться на полную катушку.

Макар проводил уборщицу Розу на шикарную кухню виллы Парк-отеля. Она плелась — сторбленная, поникшая, шаркая ногами в своих резиновых клогах. Но сев за стол, начала есть с великой жадностью. И Клавдий понял — уборщица Роза сильно голодна. Даже горе не отбило у нее волчий аппетит.

— Вы сказали — ваш сын пропал без вести. — Макар налил ей кофе из навороченной кофеварки.

— Пропал. Убили его злые люди. Больше двух месяцев нет его со мной. — Уборщица Роза на мгновение перестала жевать. А затем, взяв бриошь, начала подчищать на тарелке растекшийся желток от яичницы-глазуньи. Она съела все до последней крошки.

Клавдий Мамонтов придвинул к ней и свою порцию завтрака. Сел боком на широкий низкий подоконник, глядя на лес, окружавший виллу.

Они примчались сюда вчера днем на машине из дома Макара на Бельском озере в Бронницах, где жили летом. Дни и недели после кровавой и трагической истории с борщевиком, на которую они все вместе с полковником Гуциным потратили столько сил¹, протекали тихо и относительно

---

¹ Подробно об этом читайте в книге Т. Степановой «Корень зла среди трав».

спокойно. Дома все, на взгляд Клавдия, *устаканилось*. Дети Макара не болели. Гувернантка Вера Павловна наконец отыскала через своих многочисленных знакомых пожилую супружескую пару преподавателей иностранных языков для Лидочки — младшей дочки Макара. Семидесятилетние муж и жена раньше работали в столичном вузе. Предложение Макара перейти на работу к нему позволяло им постоянно жить за городом на своей даче на природе (их деревня располагалась в сорока минутах езды на машине от Бельского озера), оставив московскую квартиру семье дочери. Супруги приступили к новым обязанностям летом — в период каникул в вузе, обещав окончательно определиться к осени: остаться у Макара или нет. Жена начала обучать Лидочку французскому и итальянскому, ее муж — немецкому, а также латыни, чем приводил Макара в восторг. В середине июля выдались знойные душные дни, и супруги-учителя часто оставались у Макара ночевать, не возвращались к себе на дачу в духоте.

Дом на озере, полный стариков и детей...

Клавдий Мамонтов самые жаркие дневные часы проводил у воды вместе с дочками Макара, гувернанткой Верой Павловной, супругами-учителями и маленьким сыном Макара, Сашхеном. Раненая рука Клавдия заживала медленно, он все еще носил перевязь. Но уже пытался плавать. И греб с великим трудом на каноэ, разрабатывая суставы. Для крохотного Сашхена, едва научившегося ходить, Макар заказал по интернету «микроскопические» водные лыжи, чем привел в ужас всех домашних. После долгих дискуссий, просьбы образумиться и укоров ограничились пока надувным кругом для плавания. Сашхен в круге плескался вместе с сестрами на мелководье, шлепал ладошками по воде и хохотал, обдавая Клавдия, сидевшего в воде рядом с ним, фонтаном брызг.

Для старшей шестилетней дочки Макара, Августы, отличавшейся особенностями развития и не говорившей, привезли мольберт и масляные краски. Макар вместе с Клавдием два дня готовили для нее художественную мастерскую. Выбрали гостевую комнату наверху, рядом с детской с панорамным светлым окном, сами перекрасили стены. Установили

мольберт, на него — холст на подрамнике. Разложили на столе масляные краски в тубиках, кисти. Августа продолжала творить на картоне мелками и пастелью. Рисовала и в своем планшете. Но затем Макар с Клавдием подсмотрели украдкой, как она под неусыпным наблюдением Лидочки и крохотного Сашхена, перекочевавшего следом за сестрами в художественную мастерскую, смешивает... нет, просто размывает, растирает пальцами краски на палитре. И смотрит на результат, на свои испачканные ладошки, склонив набок темноволосую головку.

— Не все сразу, друзья мои, — веско успокоила их гувернантка Вера Павловна. — Процесс творчества на холсте для Августы еще в новинку. Она разберется. Талант ей поможет. Пускай Августа не говорит, но она присутствует на каждом уроке французского и латыни. Лидочке наш новый учитель наемни вслух читал рассказ вашего тезки, Клавдия Элиана¹ про нильских лягушек на латыни с переводом на английский. Августа потом изобразила пастелью лягушку с тростником во рту, словно взяв из текста. Она понимает разные языки, но не разговаривает. Она уникальна! А свои новые масляные краски она научится смешивать и применять сама.

Домашняя идиллия длилась и длилась. Благостная и безмятежная, она выглядела чересчур уж нарочитой. Почти искусственной. Не от окружающего безумного «мира сего». Клавдий чувствовал фальшь. А Макар просто изнывал. Читал потоком новости в интернете. Мрачнел. Клавдий ждал с тревогой — друг его снова вот-вот сорвется в алкогольный штопор.

— «Суббота, хлебнув политуры...» — однажды солнечным утром процитировал Макар песню Юрия Шевчука.

— Сегодня воскресенье, — поправил Клавдий.

— Один черт. — Макар снова пялился в мобильный, читая новости. — М-да... А не рвануть ли нам к телкам, а, Клава?

— Шутишь? — усмехнулся Мамонтов.

---

¹ К л а в д и й Э л и а н — древнеримский писатель и философ, автор «Пестрых рассказов».

— На полном серьезе. Вчера ночью в интернете познакомился с двумя. Вроде ничего, симпатичные. Я, правда, не понял — пьян был. Каюсь. Они принимают наше приглашение, Клава.

— Приглашение?

— Загородный Парк-отель, лесной рай. Я вчера виллу забронировал с предоплатой. Час езды от нашего озера. Пойдем вразнос, а? Оторвемся вдали от наших чинно-благородных домашних. Встаем и едем прямо сейчас. Легко.

— Сложно, — парировал Клавдий. — Я пас. Ты чеши. Гуляй, пока молодой. Только адрес мне скинь, где тебя искать. Я останусь дома с твоими детьми. Я охранник твоей семьи.

— Ты мой единственный друг, Клава. Не бросай меня в час черной тоски, — Макар все пялился в мобильный. — «Это все, что останется после меня, это все, что возьму я с собой...»¹

Клавдий глянул на его лицо. И не стал больше спорить и возражать.

Девицы, откопанные Макаром в Сети, оказались молоденькими провинциалочками из Сызрани. В Парк-отель на свидание с ухажером «из Сети» они явились на такси и с удивлением смотрели по сторонам, повизгивали восторженно от роскоши пятизвездочного спа-отеля, ресторана, бассейна, уединенной в лесу виллы. Макар оплатил им балийское спа для начала, затем они обедали вчетвером в ресторане на веранде, познакомились, сидели допоздна в баре. Макар глушил там все подряд. Клавдий тоже выпил — впервые за все время, прошедшее после его ранения. Без водки и текилы ничего бы не вышло у него с пухленькой смазливой девицей, увиденной впервые в жизни. Брюнетка больше понравилась Макару, но она сама выбрала Клавдия и пыталась завести его в баре с пол-оборота. Макару пришлось переключиться на ее подружку с волосами цвета спелого ананаса. Она хвалилась ему: «Я читала Пелевина» и намекала — «тащусь от Гуччи». На вилле ночью они разошлись по спальням. Клавдий устро-

---

¹ Песня Юрия Шевчука.

ился внизу со своей новой пассией — брюнеткой. А Макар с блондинкой поднялись наверх.

В семь утра Клавдий вызвал такси, перевел девице на карту денег и вежливо попросил «валить на хрен». Усадив ее в тачку, он отправился в бассейн отеля — смывать с себя запах ее тела и приторных духов от Гуччи. Чувствовал он себя при этом последним мерзавцем.

По возвращении он застал Макара сидящим в банном халате на верхней ступени лестницы. Рядом — бутылка текилы. Макар сражался с жестоким похмельем.

— Removed her from¹... — Макар слабо помахал рукой. — Из нашей, Клава, реальности... Кнопочка delete... Нажал и... нет Ксюшки-хитрюшки.

— Я свою тоже «делит». Вызвал ей спозаранку тачку до Москвы, — Клавдий потянулся всеми мускулами. — Я, хам, в отличие от тебя, даже ее имя не спросил.

— Рита... Она тебе в баре называла свое имя, когда клеилась. Рита-Читта-Дритта, — Макар встал и станцевал на ступеньке степ, не боясь покатиться кубарем вниз. — А ты все мимо ушей. Каменная твоя рожа, Клава...

— Подонки мы, — констатировал Клавдий.

— Как твоя рука?

— Лучше.

— Секс все лечит, — философски заметил Макар.

— Твари мы последние, — Клавдий вздохнул. — Девчонки ни при чем. Дело в нас.

— Ну, хотели мы... жаждали... добивались чистой горячей верной любви, — Макар шутовски поклонился, разводя руками. — И ты, и я... Мы оба. Болваны.... Да, если бы не ты, братан... Я бы давно уже достиг. Руки мы друг другу намертво связали!

— Ну да, конечно, — отрезал Клавдий. — Словно в той пьесе: не цепи — кандалы. Да?²

Макар выпрямился, глядя Клавдию в глаза.

---

¹ Удалил ее (англ.).

² Клавдий вспоминает пьесу «Бесприданница» А. Островского.